

Александр В. Репников

Долгая жизнь василия шульгина

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 135-168

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР В. РЕПНИКОВ

Российский государственный архив социально-политической истории / Москва

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

Есть люди, упоминание о которых вызывает дискуссии спустя десятилетия после их смерти. К ним относится Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), общественно-политический деятель, писатель, яркий публицист, депутат II–IV Государственных дум; человек, стоявший у истоков Белого движения, заключенный Владимирского централа, гость XXII съезда КПСС. Многие факты его биографии остаются малоизвестными даже специалистам, или представляют сплошное белое пятно.

Историография работ, посвященных Шульгину, не слишком обширна. В 1920-е гг. были популярны брошюры Д. О. Заславского¹. Автор не избежал тенденциозных оценок, хотя и отмечал, что в галерее политических деятелей царской России Шульгин «выделяется как человек яркий, интересный, талантливый и в некоторых отношениях привлекательный»². Политическая деятельность Шульгина затрагивалась в работах В. И. Старцева³, С. А. Степанова⁴, Д. А. Коцюбинского⁵, А. Б. Николаева⁶, Г. З. Иоффе⁷, А. В. Репникова⁸,

¹ Д. О. Заславский, *Рыцарь черной сотни Шульгин*, Ленинград 1925; Он же, *Рыцарь монархии Шульгин*, Ленинград 1927.

² Он же, *Рыцарь монархии Шульгин...*, с. 4.

³ В. И. Старцев, *Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 г. Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»*. Ленинград 1977.

⁴ С. А. Степанов, *Черная сотня*, Москва 2005.

⁵ Д. А. Коцюбинский, *Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза*, Москва 2001.

⁶ А. Б. Николаев, *«Парламентский» проект В.В. Шульгина [в:] Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды*. С. Петербург 1994, Выпуск 2, с. 36–42.

⁷ Г. З. Иоффе, *Василий Витальевич Шульгин*, ч. 1, „Новый журнал”, 2006, т. 242, с. 189–201; ч. 2. „Новый журнал”, 2006, т. 243, с. 215–227; Он же, *«Я завернут в свиток из колючей проволоки»*, „Наука и жизнь”, 2010. № 2. с. 72–80. К сожалению, в последней статье встречаются ошибки в написании фамилий и инициалов: А.И. Дубровин стал Н. Дубровиным, Ф.Н. Петров превратился в Перова, также ошибочно утверждается, что Шульгин умер «в одном из владимирских домов для престарелых» (Там же. с. 72, 79, 80).

⁸ А. В. Репников, *Консервативные концепции переустройства России*, Москва 2007; Он же, *От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба В.В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний)*, „Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук”, 2009, № 2, с. 98–119; Он же,

А. С. Пученкова⁹, О. В. Будницкого¹⁰ и других историков. В 2004 г. вышел в свет «роман-размышление» писателя В. П. Ерашова¹¹. Используя опубликованные воспоминания, автор признавался: «К великому своему сожалению, я не имел возможности – по весьма уважительным объективным и субъективным причинам, отнюдь не из лени, – использовать документы, относящиеся к В. В. Шульгину...»¹². Ерашов также предупреждал, что «присочинил, домыслил кажущиеся мне вероятными, правдоподобными некоторые чисто житейские сюжеты (точнее даже – сюжетки), додумал кое-какие поступки, черты характера героя»¹³. Помимо тех мест, которые автор, по собственному признанию, «присочинил», в книге встречаются многочисленные неточности.

В 2007 году во Владимире был опубликован сборник воспоминаний тех, кто лично знал Шульгина в последние годы его жизни, однако небольшой тираж делает данное издание практически недоступным¹⁴.

Для реконструкции жизни и взглядов Шульгина большое значение имеют архивные материалы. Описание следственного дела Р-48956 (в 1 томе; год производства: 1945–1947) в отношении Шульгина впервые была опубликована А.В. Репниковым и В.С. Христофоровым¹⁵. В 2003–2009 гг. в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина», «Российская история» и ряде сборников осуществлена публикация материалов из следственного дела Шульгина, а также опубликованы его биографии, написанные с привлечением различных источников¹⁶.

Неизвестный Василий Шульгин. Жизнь и легенды, «Аврора», 2010, № 2, с. 201–230; И. Н. Гребенкин, А. В. Репников, *Василий Витальевич Шульгин*, «Вопросы истории», 2010, № 5, с. 25–40.

⁹ А. С. Пученков, *О коварстве героев и верности крыс. Как поссорились Василий Витальевич с Павлом Николаевичем*, «Родина», 2009, № 4, с. 23–25. Он же, «Историк против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965)», «Русский журнал. Исследования по истории России», Москва 2011, т. 10, с. 361–378.

¹⁰ О. В. Будницкий, *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. Москва 2005.

¹¹ В. П. Ерашов, *Парадоксы В. В. Шульгина*. Москва 2004. Расширенное издание: В. П. Ерашов, В. П. Шульгин. *Документальный роман-размышление*. Москва 2004. Критический разбор книги Ерашова см.: Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск 2008, с. 7–9.

¹² В. П. Ерашов, *Парадоксы В. В. Шульгина...*, с. 6.

¹³ Там же, с. 7.

¹⁴ *Владимирские дни и годы В. В. Шульгина*, Владимир 2007.

¹⁵ А. В. Репников, В. С. Христофоров, *В.В. Шульгин: Обзор документов личного фонда*, «Вестник архивиста», 2003. № 3/4, с. 176–186.

¹⁶ В. В. Шульгин - *последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ*. Предисл., вступ. ст., коммент. А.В. Репникова, В.С. Христофорова, «Новая и новейшая история», 2003, № 4, с. 64–111; А.В. Репников, В.С. Христофоров, «...Как ярый враг большевиков» (Из следственного дела В.В. Шульгина), «Россия XXI», 2007, № 5, с. 144–177; Они же, *Вечный странник*, «Родина», 2007, № 12, с. 99–106; Они же, *Шульгин Василий Витальевич*, «Российская история», 2009, № 5, с.155–169.

Материалы следственного дела и дела заключенного Шульгина, снабженные вступительной статьей, комментариями, приложениями и впервые извлеченными из архивов фотографиями вышли отдельной книгой в 2010 году при поддержке Правительства Москвы¹⁷.

В 2012 году под редакцией О. В. Будницкого опубликована переписка В. В. Шульгина с В. А. Маклаковым за период 1919–1939 гг., в которой значительное место уделено национальному вопросу, взаимоотношению русских с евреями и украинцами, а также политической жизни эмиграции¹⁸.

Василий Витальевич родился 1 января 1878 года в Киеве в семье потомственного дворянина, профессора всеобщей истории Киевского университета св. Владимира В. Я. Шульгина (1822–1878) и М. К. Шульгиной-Поповой (?–1883), которая после смерти В. Я. Шульгина вышла замуж за профессора политэкономии того же университета Д. И. Пихно (1853–1913). Шульгин неоднократно писал, что взгляды Пихно оказали влияние на его формирование как русского националиста. Отец Шульгина с 1864 г. издавал газету «Киевлянин» программа которой была выражена словами: «Этот край русский, русский, русский». Позиция газеты не прошла незамеченной, найдя отражение в карикатуре, опубликованной в нескольких киевских изданиях. На ней был изображен В. Я. Шульгин в вицмундире, надетом сверху русской надевки, а под ним надпись: «Это край русский». С одной стороны от него стояли грустные «хохломы» в свитках и смушевых шапках и говорили: «Не, брешешь, москалю: цэ украйна!» По другую – польские господа в чамарках и конфедератках, восклицавшие: «Лжешь, москаль, то есть край забранный!»¹⁹ С 1878 года редактирование газеты взял на себя Д. И. Пихно и В. В. Шульгин сначала стал там постоянным автором, а впоследствии – редактором.

В 1895 году Шульгин окончил 2-ю Киевскую гимназию и в 1900 юридический факультет Киевского университета. Год проучился в Киевском политехническом институте. В 1902 отбывал воинскую повинность в 3-й саперной бригаде (прапорщик запаса полевых инженерных войск). Выйдя в запас, занимался хозяйством в Волынской губернии. В 1905 году Шульгин записался добровольцем на японский фронт, но в связи с окончанием войны отправлен в Киев, охваченный революционными беспорядками. По собственным словам, Василий

¹⁷ *Тюрменная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного.* Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова. Коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. Москва 2010.

¹⁸ *Спор о России: В.А. Маклаков - В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* Сост., автор вступ. ст. и прим. О.В. Будницкий, Москва 2012.

¹⁹ Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.*..., с. 235.

Витальевич не мечтал о политической деятельности, но жизнь распорядилась иначе. Русско-японская война, полагал Василий Витальевич, вызвала «„освободительное движение” – ... удачный псевдоним, под которым находчивые мошенники до поры до времени скрывали Ея Поганство – Революцию»²⁰. В результате, летом 1906 года он окунулся с головой в предвыборную компанию во II Государственную думу. Стимулом послужило желание поляков провести от Киевской, Волынской и Подольской губернии в Думу своих депутатов. Шульгин на своем коне по кличке Васька, лично объезжал избирателей, проявив себя отличным агитатором. 6 февраля 1907 г. он был избран как помещик Волынской губернии, где имел 300 десятин земли и 2 паровые мельницы. Избрали его от общего состава выборщиков Волынского губернского избирательного собрания 86 голосами против 18 от русского отделения съезда уездных землевладельцев.

20 февраля 1907 года он подъехал к Таврическому дворцу и прошел в зал заседаний. Начался новый этап его жизни. В Думе Шульгин смог в полной мере раскрыть ораторские способности. Кратко остановлюсь на стиле его выступлений. Он произносил слова негромко, говорил корректно, немного иронично. В. М. Пуришкевич подметив это, посвятил коллеге эпиграмму:

Твой голос тих и вид твой робок,
Но черт сидит в тебе, Шульгин:
Бикфордов шнур ты от коробок,
Где помещен пироксилин!²¹

Сам Шульгин позже в личном письме к В. А. Маклакову так объяснил свою манеру: «Должен сказать, что у меня всегда было непреодолимое желание разговаривать самым презрительным тоном с наглецами. И это потому, что это единственный отпор, который они понимают... Вы, может быть, припомните, что во второй, да и в третьей, Государственной Думе я имел несчастную особенность доводить своих политических противников до неопишуемой ярости именно этим свойством. И если хотите, это прием правильный. Довести противника до бешенства, сохранив самому хладнокровие, есть один из методов борьбы. Вот откуда я думаю и происходит эта манера *по существу*»²².

²⁰ Там же, с. 23.

²¹ *Русская эпиграмма*. Москва 1990, с. 228.

²² *Спор о России...*, с. 390.

Политический оппонент Шульгина И. В. Гессен так описывал стиль его выступлений: «Противовесом Церетели служил на правом крыле В. В. Шульгин – тоже с осторожными размеренными движениями, отчетливо, на слова разделенной речью, произносимой вкрадчивым буравящим голоском, напоенной ядом и приправленной змеиной улыбкой, которая замирала на тонко очерченном, как бы окаменевшем лице»²³. Советский критик и публицист Д. О. Заславский отмечал, что при обычной „правой” терминологии, речей Шульгина, сам он был необычен: «Столько тонкого яда, столько злой иронии было в его вежливых словах, в его корректной улыбке, что почувствовался сразу непримиримый, смертельный враг революции, демократии, даже просто либерализма... Его ненавидели больше, чем Пуришкевича, больше, чем Крушевана, Замысловского, Крупенского и других думских черносотенцев... Шульгин был всегда безукоризненно вежлив. Но его спокойные, хорошо рассчитанные выпады доводили Государственную думу до белого каления. Его слушали внимательно, но с нарастающим беспокойством, с тревожным нетерпением»²⁴. Оппозиционная самодержавию пресса отвечала бранью. Приводя отзывы на свои выступления, Шульгин писал, что, примерно через месяц, после того, как он первый раз взошел на думскую трибуну, о нем писали: «Снова на кафедре Шульгин. Хитро поблескивая глазами херувима, эта очковая змея говорит отменные гадости Государственной думе»; а еще через несколько месяцев, он получил такую характеристику: «Говорит всем известный альфонсообразный Шульгин»²⁵.

Его фразы запоминались и становились крылатыми. «Когда внесен был запрос о применении смертной казни в Риге за побег из тюрьмы²⁶... Шульгин вышел на трибуну и спросил с обычной своей язвительной улыбкой: „А нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?”»²⁷. Разразился скандал: председательствующий огласил заявление, поступившее за подписью 35 членов Думы: «Предлагаем Государственной Думе удалить из сегодняшнего заседания члена Думы Шульгина за выходу, оскорбляющую членов Думы»²⁸. Когда Шульгину дали возможность ответить он сказал: «Здесь выражение, мною употребленное, вызвало

²³ И. В. Гессен, *В двух веках. Жизненный отчет*, „Архив русской революции”, т. 21/22, Москва 1993, т. 22, с. 250.

²⁴ Д. О. Заславский, *Рыцарь монархии Шульгин*, с. 18–19.

²⁵ В. В. Шульгин, *Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны*. Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. Москва 2002, с. 86.

²⁶ Это было во время заседания Думы 3 апреля 1907 года.

²⁷ Д. О. Заславский, *Рыцарь монархии Шульгин*, с. 21.

²⁸ *Государственная дума, второй созыв. Стенографические отчеты, 1907 год, сессия вторая*. С. Петербург 1907, ст. 1562.

целую бурю. Я должен сказать, что по существу от своей мысли я не отказываюсь, но выражение действительно было неловкое в том смысле, что я не говорил о здесь присутствующих социал-революционерах, я говорил о всех членах этой партии... и что касается партии, то никакой представитель этой партии на мой вопрос ответить не может»²⁹. В результате голосования вставанием за удаление Шульгина с заседания «встало подавляющее большинство», а стенограмма зафиксировала «продолжительные аплодисменты слева»³⁰. Шульгин явно гордился произведенным эффектом: «... председательствующий Н. Н. Познанский звонил как в набат, словно я зажег мировой пожар... скандал вышел знатный, несчастные барышни-стенографистки, единственные существа, не принимавшие участия во всем этом неприличии, все записали добросовестно. А кончилось это тем, что председательствующий по наущению тридцати граждан депутатов поставил на голосование Думы их предложение удалить провинившегося Шульгина из зала до конца заседания... Они голосовали, и хотя я ушел без сопротивления, все же выходило так, что они меня выгнали. На следующий день была газетная буря. Инцидент обсуждали и так и этак... раструбили мое имя „во всей Руси великой“, наряду с другими скандалистами. Санкт-Петербург был несколько шокирован, но мои избиратели меня оценили»³¹.

Г. Е. Рейн вспоминал, что на заседании «обратила на себя внимание полная сарказма речь В. В. Шульгина по поводу социально-демократических домогательств, за которую он подвергся исключению на один день из зала заседаний»³². Случай запомнился и П. Н. Милюкову, который, описывая встречу с Николаем II, проведет интересную параллель: «Николай Второй... несколько долгих секунд смотрел прямо в глаза пристальным взглядом. Может быть, он мысленно спрашивал, как Шульгина [правильно – Шульгин – А. Р.] в первой Думе [Милюков ошибается, надо – во второй Думе – А. Р.]: а нет ли у него „бомбочки в кармане“?»³³.

Шульгин неоднократно произносил с думской трибуны речи в поддержку П. А. Столыпина, убежденным сторонником, которого оставался до конца жизни. В статье «Диогенов фонарь», посвященной Столыпину, он вспоминал, что впервые услышал его речь 6 марта 1907 года. Уже произошел обвал потолка в зале заседаний, и депутаты собрались

²⁹ Там же, ст. 1563.

³⁰ Там же.

³¹ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...* с. 78, 79, 81.

³² Г. Е. Рейн, *Из пережитого 1907–1918*, Берлин [1935], т. 2, с. 20.

³³ П. Н. Милюков, *Как пришла революция* [в:] *Публицистика русского зарубежья (1920–1945). Сборник статей*. Сост. И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина, Москва 1999, с. 161. Статья Милюкова датирована 1921 годом.

в Круглом зале Таврического дворца. Шульгина поразила «необычайная чуткость этого человека, та чуткость, которая так редко дается, но без которой немислимы политические люди, чуткость к толпе, к массам, понимание и умение владеть ими сказались уже и в этот день... Ни малейшая складка презрения, которое дрожало в его сердце, пережившем Аптекарский остров³⁴, не затронула его губ. Спокойный, благожелательный, он с большим достоинством и серьезностью излагал план реформ»³⁵. Отвечая на критику оппозиции, Столыпин проявил волю: «Он говорил недолго. Несколько слов холодных, но прозрачных, как лед, слов, которыми он безжалостно сорвал лживую кожу ненужных, лишних и затуманивающих фраз с того одного, что было важно в ту минуту, важно потому, что это одно была правда. Это одно правдивое и страшное – была смерть. Четырехсотголовый зверь разными словами, в разных формах, разными способами грозил ему смертью. И не только ему, он грозил смертью всему тому, что защищать и чему служить присягнул министр своему Государю. Они осмелились грозить Ему... И после холодных и прозрачных, как льдина, слов, резюмировавших весь смысл их диких речей, сверкнуло вдруг, неожиданно и ослепительно, раскаленное железо: – Не запугаете!!!»³⁶.

Шульгин признавал, что «со страстью, свойственной молодости... отстаивал с кафедры Государственной думы его [Столыпина – А.Р.] программу, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и ее дальнейшего эволюционного развития. Несомненно, Столыпин был наиболее выдающимся государственным деятелем Российской империи в последний ее период. Это признавали и враги его... я сблизился с Петром Аркадьевичем и кроме уважения стал питать к нему более теплые чувства»³⁷. По мнению Шульгина, «Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушительен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства... Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это очень подходило к человеку, который если не «сел на царский трон», то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор. Однако диктатор такой породы, которому не свойственны были грубые выпады»³⁸.

³⁴ Имеется в виду покушение на П.А. Столыпина.

³⁵ *Столыпин. Жизнь и смерть (1862–1911). Сборник*, Саратов 1997, с. 174.

³⁶ Там же, с. 175–176.

³⁷ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...*, с. 74.

³⁸ Там же, с. 72.

Стиль поведения Столыпина и стиль Шульгина в Думе имели общие черты, и как наблюдательный человек, Шульгин это заметил. Он одобрил меры Столыпина, направленные на подавление революционного движения. 12 марта 1907 г. Василий Витальевич провозглашал в Думе: «Не будем лицемерить... полевые суды есть средство борьбы; это есть орудие борьбы, которое во все эпохи... выдвигалось в тех обстоятельствах, когда обыкновенное правосудие оказывалось бессильно. Эти обстоятельства наступают в обстановке войны, но и особенно рельефно в так называемые революционные эпохи. Главная сила этого орудия состоит в том, что наказание следует непосредственно за преступлением. Сегодня бросил бомбу, а завтра повесили для того, чтобы те, которые имели в виду бросить бомбу послезавтра, призадумались над этим...»³⁹. По его мнению, Столыпин казнил революционеров, но «ни к одному из них он не чувствовал злобы, личной злобы [...] Тут такая же разница, как между ножом врача и кинжалом. Оба режут, но кинжал убивает, а скальпель – целит... Иной правитель казнит, содрогаясь от скорби: этот может быть святым. Другой казнит, смакуя, бахвалясь, – он гнусный убийца [...] Первый включает свою страну в круг Добра, и тайные добрые силы всего мира помогают ему, второй ввергает ее в смерч Зла, и силы ада рано или поздно погубят правителя и управляемых»⁴⁰. Шульгину импонировало и то, что Столыпин «выдвинул как программу действий правительства борьбу с насилием революционным, с одной стороны, и борьбу с косностью – с другой. Отпор революции, покровительство эволюции – таков был его лозунг»⁴¹. Но «эволюции не хотели ни слева, ни справа. Дубровин был противник Столыпина справа. Левые ответили на эволюцию бомбами...»⁴².

Шульгин не верил, что II Дума проработает полный срок. В выступлении 6 марта 1907 года, затрагивая причины разгона I Думы, он, помимо прочего, упомянул, что причина, «которая быть может будет грозить и второй Государственной думе состоит в том, что способы парламентской борьбы в этой Думе, как и в первой Думе... неравны... правая сторона может убеждать словом и убеждением, а у левых тот аргумент, про который поется в одной опере, что „этот аргумент вас убедит в один момент“. Вот, мне кажется, причины, по которым была разогнана первая Дума и подвергается опасности вторая»⁴³. Весной 1907 года он вместе с другими правыми встречался с премьером. «Перед Столыпиным мы поставили

³⁹ Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Москва 1995, т. II, с. 48.

⁴⁰ В. В. Шульгин, *Три столицы*, Москва 1991, с. 103.

⁴¹ Он же, *Последний очевидец...*, с. 73.

⁴² Он же, *Размышления. Две старые тетради*. Публ. А. И. Ушакова, „Неизвестная Россия. XX век“. Москва 1992, Кн. 1. с. 314.

⁴³ Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Москва 1995, т. II, с. 35.

вопрос о необходимости немедленного роспуска 2-й Государственной Думы. Доказывая необходимость этого мероприятия, мы говорили Столыпину, что Дума является трибуной для революционной пропаганды, которую проводили социал-демократические элементы. На наше предложение Столыпин реагировал короткой фразой: „Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догниет на корню, тогда наступит удобный момент для ее роспуска”⁴⁴. Дума была распущена и Шульгин «надеялся, что с этим учреждением у меня навсегда покончено», признаваясь, что «ненавидел политику, а тяжелая страда в течение ста двух дней не смягчила мое отношение к парламенту»⁴⁵.

Однако, когда начались выборы в III Думу, Василий Витальевич принял в них участие и вернулся в Таврический дворец. Он входил в комиссии по Наказу, для выработки проекта всеподданнейшего адреса, о неприкосновенности личности, по местному самоуправлению, университетскую, был членом бюро фракции правых⁴⁶. По-прежнему противопоставляя революции эволюционный (стольпинский) путь развития с сохранением самодержавия, он „оставался с правыми, хотя чувствовал себя умеренным”⁴⁷. В середине марта 1911 года Шульгин перешел в русскую национальную фракцию. 15 марта того же года произнес в Думе речь в защиту политики Столыпина и был приглашен к премьеру для беседы вместе с П. Н. Балашевым и др. «Петр Аркадьевич обратился ко мне: „Очень вам благодарен, что вы меня защищали”»⁴⁸.

На выборах в IV Думу Шульгин член Острожской уездной и Вольнской губернских избирательных комиссий Комитета русских избирателей. В 4-й Думе он входит во фракцию русских националистов и умеренно-правых, с 13 августа 1915 – товарищ председателя прогрессивно-национальной группы. Также входил в комиссию для составления проекта всеподданнейшего адреса, по Наказу и комиссию для выработки законопроекта о печати и в 1912–1913 гг. был ее председателем. В IV Думе Шульгин дрейфует «влево». В 1915 году он выступил с думской трибуны против ареста и осуждения по уголовной статье социал-демократических депутатов, назвав это крупной государственной ошибкой. В августе того же года вышел из фракции националистов и образовал Прогрессивную группу

⁴⁴ *Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного...* с. 154.

⁴⁵ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...* с. 88.

⁴⁶ См.: А. Б. Николаев, Р. Б. Ромов, *Шульгин Василий Витальевич [в:] Государственная Дума России. Энциклопедия Т. 1. Государственная Дума Российской Империи (1906–1917 гг.)*. Москва 2006, с. 737.

⁴⁷ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...* с. 91.

⁴⁸ Там же, с. 175.

националистов. Одновременно вошел в состав руководства Прогрессивного блока, в котором видел союз «консервативной и либеральной части общества», сблизившись с бывшими политическими противниками. Правые увидели в этих его действиях «измену», которая, по их мнению, имела свои корни еще в поведении Шульгина в «Деле Бейлиса»⁴⁹.

Шульгин вспоминал: «С Милоковым мы были ни в каких личных отношениях. Между нами лежала долголетняя политическая вражда», но, по мнению, Шульгина, война „все стерла“, и он обратился к Милокову с вопросом: „Павел Николаевич... Я пришел вас спросить напрямик: мы – друзья?“ Он ответил не сразу, но все же ответил: – Да... кажется... Я думаю... что мы – друзья»⁵⁰. Современный исследователь полагает, что „определяющим в этом шаге было желание Шульгина объединиться с политическими силами, которые поддерживали лозунг войны до победного конца и демонстрировали готовность сделать все, что возможно, на что указывал и он сам... В 1915 г. ему казалось, что ни царское правительство, ни крайне правые партии не смогут довести страну до победного завершения войны. Хотя душа его расположена была все же ближе к правым, чем к кадетам, но ради достижения победы он готов был поступиться своими убеждениями. Поэтому и пошел на союз с кадетами”⁵¹. Согласимся с этой трактовкой, с одним уточнением. Правительство и правые тоже „поддерживали лозунг войны до победного конца“, а значит причина не в том, что власть не хотела победы в войне, а в том, что Шульгин *утратил веру* в то, что с такой властью возможна победа.

Определенную преграду для единения Шульгина с недавними политическими оппонентами составляло его негативное отношение к евреям, но Шульгин и Милоков старались обходить острые углы. Историк Н. Г. Думова писала, что с началом войны кадеты стали более сдержанны в постановке национальных проблем и отказались подписать законопроект об отмене всех национальных ограничений, составленный социал-демократической фракцией Думы и трудовиками в январе 1915 г., а при объединении с националистами и октябристами в Прогрессивном блоке удовлетворились включением в декларацию блока пункта о вступлении на путь постепенной

⁴⁹ Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг...*, с. 26. Националист М.О. Меньшиков, приветствовавший в 1911 году, «талантливого Шульгина», который своей речью «окатил... кадетских лидеров ведром холодной воды», резко критиковал его позицию в «Деле Бейлиса» (М. О. Меньшиков, *Национальная империя*, Москва 2004, с. 314; Он же, *Письма к русской нации*, Москва 1999, с. 398–411.

⁵⁰ В. В. Шульгин, *Годы. Дни. 1920 год*, Москва 1990, с. 376.

⁵¹ Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг...*, с. 26–27.

отмены ограничений в правах евреев⁵². Шульгин же в думском выступлении дал такое истолкование этой формулировке: „...если говорить о том, что здесь написано, то, собственно, смешно об этом разговаривать. Если говорить о черте оседлости, то она снята... военными событиями, так что нечего разговаривать по этому вопросу. Но я утверждаю, что вообще в еврейском вопросе нужно как бы пробовать: принять маленькую меру и посмотреть, что из этого выйдет, как это отразится... какие это вызывает последствия. И если это вызывает последствия возможные, надо двинуться вперед, а если нельзя, надо остановиться”⁵³. Думова отмечала, что, успокаивая правых членов блока по поводу „еврейского пункта”, внесенного в декларацию, Шульгин разъяснял: „Конечно, господа, всякий, кто читал эту программу, должен сказать, что для того, чтобы из этого вывести понятие о равноправии евреев, нужно сделать какой-то большой скачок, который здесь не указан”⁵⁴. В свою очередь в докладе о тактике фракции „народной свободы” во время войны Милюков высоко оценил эту речь Шульгина, употребив такие эпитеты, как „просто и сильно”, „удачно”, „искренно и откровенно”⁵⁵. Не следует говорить о полном единении лидеров кадетской партии и правой частью блока; это было бы ошибочно, и Думова отмечала, что противоречия все равно возникали при обсуждении национального (в т.ч. еврейского) вопроса. Тот же Милюков в своих воспоминаниях о „прогрессивном блоке” недвусмысленно пишет: „В. В. Шульгин, помешавшийся на еврейском вопросе, не скрывал, что считает меня своего рода гарантом против еврейского мирового »засилья«... и наконец даже националисты Четвертой Думы могли убедиться, за время войны, в искренне патриотическом настроении партии Народной свободы”⁵⁶. Борьба с властью и „военный патриотизм” объединили кадета Милюкова и националиста Шульгина.

11 декабря 1915 г. Василий Витальевич сетовал в письме к Е. Г. Шульгиной: „Как приятно было бы, если бы глупые правые были так же умны, как кадеты, и старались бы восстановить свое первородство работой для войны... Но они не могут этого понять и портят общее дело”⁵⁷. 14 октября 1916 г. в „Вечерней газете”, ставшей органом прогрессивных националистов,

⁵² Н. Г. Думова, *Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции*. Москва 1988, с. 26.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П. Н. Милюков, *Воспоминания*. Пред. Н.Г. Думовой. Москва 1991, с. 405.

⁵⁷ *Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам* / Публ. Ю.И. Кирьянова, „Минувшее. Исторический альманах”. Москва – С. Петербург 1993, т. 14, с. 176.

он заявит о решимости „валить” правительство: „Во имя... великой цели войны пустим в ход все имеющиеся в нашем распоряжении парламентские средства, чтобы добиться полного обновления власти, без чего немыслимо достижение победы, невозможны насущные реформы”⁵⁸. Когда-то во II Думе Шульгин бросал 12 марта 1907 года кадетам упрек в потворстве террористам: „В газетах этой партии мы никогда не найдем ни одной строчки, сказанной в осуждение этим убийствам. Нет! Нам всегда говорят, что это все герои, все борцы за свободу. Вот что мы слышим вместо осуждения”⁵⁹. В IV Думе он в блоке с кадетами „валил” правительство, вольно, или невольно приближая крушение монархического строя, защитником которого он себя считал. В. И. Гурко впоследствии отметит «речи Шульгина в особом совещании по обороне, отражавшие кадетские приемы, вполне солидарные с кадетскими устремлениями»⁶⁰.

Сближение Шульгина с бывшими политическими противниками основывалось на „трех китах” – патриотизм (здесь уместно вспомнить о позиции П. Н. Милокова и его единомышленников в период Первой мировой); неприятие правительства, в котором после гибели Столыпина Шульгин не видел достойных фигур и отторжение крайностей революционного пути. Позже Шульгин с долей самоиронии признается: «Я чувствовал их, моих товарищей по блоку, и себя [...] Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать [...] Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересестись с депутатских кресел на министерские скамьи [...] под условием, чтобы императорский караул охранял нас [...] Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала – у нас кружилась голова и немело сердце [...] Бессилие смотрело на меня из-за белых колон Таврического дворца. И был этот взгляд презрителен до ужаса»⁶¹. Сближению с кадетами способствовало и то, что Шульгин не видел у руля власти ярких личностей и ему оставалось только сетовать, что если бы Столыпин дожил до войны, то «во главе русского правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд-Джорджа. И, разумеется, первое, что сделал бы этот большой человек, – он осуществил бы идею „внутреннего парламентского мира” с оппозицией»⁶².

⁵⁸ Д. А. Коцюбинский, *Русский национализм в начале XX столетия...*, с. 456.

⁵⁹ *Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты*. Москва 1995, т. II, с. 49.

⁶⁰ В. И. Гурко, *Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. Вступ. ст. Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. Москва 2000, с. 699.

⁶¹ В. В. Шульгин, *Дни. 1920: Записки*. Сост., автор вступ. ст. Д.А. Жуков, коммент. Ю.В. Мухачева. Москва 1989, с. 171.

⁶² В. В. Шульгин, *«Что нам в них не нравится...»*, С. Петербург 1992, с. 52.

Характерно, что монархист Шульгин не верил в то, что Николай II сможет вывести Россию из кризиса и привести к победе в войне.

Полагая, что его долг участвовать в боях, Шульгин вступил добровольцем в действующую армию. Будучи прапорщиком 166-го Ровненского пехотного полка был ранен и после выздоровления стал начальником передового перевязочно-питательного отряда Юго-Западной областной земской организации. Через полвека, во время съемок в Таврическом дворце документального фильма «Перед судом истории» Шульгин с горечью вспоминал: «Я был на фронте, я видел все, я видел неравную борьбу почти безоружных наших бойцов с ураганным огнем немцев... И когда вновь была созвана Государственная дума, я принес сюда горечь бесконечных путей, и отступления, и закипающее негодование армии против тыла... Власть с каждым днем уходила из рук правительства. Раньше она была слаба, теперь она стала бессильной... Дело было в том, что вопрос о назначении министров вовлек нас, Государственную думу, в конфликт с Коронай. Мы стояли над бездной, но поняли это, когда она уже разверзлась пред нами»⁶³.

3 ноября 1916 года Шульгин выступил в Думе с речью, которая превратилась в своеобразное продолжение речи П. Н. Милокова от 1 ноября, в которой последний бросал в адрес власти обвинение в измене. В книге «История второй русской революции» Милоков оценил эту поддержку: «В. В. Шульгин, в яркой и ядовитой, по обычаю речи, поддерживал П. Н. Милокова и сделал практический вывод из его обличений»⁶⁴. Вот о чем говорил Шульгин: «Если мы сейчас выступаем с резким осуждением этой власти, если мы поднимаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно... у нас есть только одно средство: бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет»⁶⁵. Поддержав Милокова и нацелив свой удар лично против Штюрмера Шульгин провозгласил, что Штюрмер, «это „не белый лист, ибо“ теперь на нем написано... „продовольственная разруха“, на нем написано: „Англия“, на нем написано: „Польша“, на нем написано: „безнаказанность Сухомлинова“, а внизу, в виде примечания, написано: „Манасевич-Мануйлов“»⁶⁶. Выступление прерывалось рукоплесканиями из

⁶³ Текст из документального фильма. „Перед судом истории“. Сценарий В.П. Владимирова (Вайнштока), при участии М. Блеймана, постановка Ф.М. Эрлера; «Ленфильм», 1964 год.

⁶⁴ П. Н. Милоков, *История второй русской революции*. Сост., комм. А.В. Репникова. Москва 2001, с. 35.

⁶⁵ *Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты*. Москва 1995, т. IV, с. 49.

⁶⁶ Там же, с. 50.

левых рядов и возгласами: «Браво», «Правильно», «Верно», «Великолепно». Того, кто еще недавно был злейшим противником оппозиции, теперь приветствовали «продолжительные и бурные рукоплескания центра, левой и в левой части правой; голоса: браво»⁶⁷.

Во время Февральской революции Шульгин – член Временного комитета Государственной думы, принимал отречение Николая II. Он участвовал в частных совещаниях членов Государственной думы. Выступая перед думцами всех четырех созывов 27 апреля 1917 г., он отметил, что поначалу многие из его единомышленников в правых партиях встретили первые шаги Государственной думы недружелюбно, но и они с годами научились ценить Государственную думу, особенно во время мировой войны.

20 мая того же года Шульгин произнес на частном совещании членов Думы важную, можно сказать, ключевую речь с четкой оценкой ситуации в стране: «Мне кажется, что мы находимся в периоде массового помешательства... В самом деле, посмотрите, гг., что делается. Безусловно какое-то психическое поветрие бежит по стране... Вот люди приходят и говорят: прибавьте нам столько. Им на это возражают: вы остановите предприятие, ваших прибавок не могут предприятия выдержать, – а они на это отвечают: вы врете, выдержат. ...Когда им на это отвечают: ну, так возьмите предприятие и хозяйничайте сами, они отвечают: нет, гг. капиталисты, тут нас не проведешь – предприятие-то мы возьмем, но вас цепочкой к ним прикуем и принудительной повинностью вы будете в этих предприятиях хозяйничать. И это, гг., объявивши свободу стачек, хлебнувши свободы в полной мере, хотят основываться на рабском труде. Вот где мы, во власти какой психологии мы находимся. Гг., причины здесь сложные. Одна причина, я бы сказал, это все-таки значительное невежество в социальных вопросах. Ведь этим людям твердили, Бог знает, сколько лет, что все дело в капиталистах, и никто никогда не догадался им сказать, что если все разделить и переделить, то все-таки Россия будет бедная страна и все-таки роскошно жить не придется. Такие простые истины не проповедовались. Их нужно сейчас говорить впервые, как новые открытия. И когда вы это скажете, то вам скажут, что вы буржуй, а потом изменник или еще какой-нибудь соответственный эпитет и, только попробовав сами, начнут понимать, что это так и есть. Это одна причина, а другая причина, может быть, еще более сложная. Гг., что делалось год или полгода тому назад. Вспомните это бессовестное обирание казны со всех сторон, кто во что горазд. Вспомните, как одиноки были те голоса, которые говорили, что роскошь во время войны недопустима, что стыдно

⁶⁷ Там же, с. 51.

ходить по улицам разодетыми до такой степени, как мы это наблюдали. Гг., эти крики остались воплями вопиющих в пустыне. К кому они были обращены? Гг., увы, это была буржуазия и не только буржуазия верхов, это была и демократическая буржуазия. Она в то время переживала, так сказать, свой пир во время чумы. Это какое-то специально русское бесшабашное учение – хоть день да мой. Вот это и дало свои плоды. Из этого класса это теперь перекочевало в другой социальный класс, это перешло в пролетариат. И сейчас именно в пролетариате наблюдается эта безрассудная жажда бумажек. Слава Богу, буржуазия очнулась, я считаю, что она очнулась. Очнутся и рабочие, но очнутся они тогда, когда они изнанку этой медали увидят. А кто им покажет эту изнанку? Гг., эту изнанку им покажет деревня. Я здесь сделал маленький расчет... Средний заработок в 8 р. 50 к. в день, это выходит около 3000 в год. Вот прибросьте это на крестьянскую мерку, а ведь деревня очень быстро сообразит: „чем мы хуже, почему они будут получать 3000 р. в год, а мы нет“? Прибросьте, я говорю, на крестьянскую мерку... И вот тогда те, которые сейчас ни о чем не хотят думать, как только о себе, они увидят изнанку и тогда они, может быть, почувствуют, как они не правы сейчас. Эта жажда такая неразумная безрассудная жажда наживы, она должна, по-видимому, обойти все классы русского населения. И вот, когда эта лихорадка всех перетрясет, тогда получится тот результат, который нужен. Тогда проклянут религию брюха, которая говорит: все возьми себе. Тогда воцарится религия духа, которая говорит: все отдай для государства. Когда эта религия восстановится, тогда начнется спасение России. Тогда увидят, что государство это не есть каприз, это не есть чья-то выдумка, это есть совершенная необходимость. Тогда увидят, что, чтобы спастись каждому отдельному человеку, нужно восстановить общее, т.е. государство. Я утверждаю, что эта религия духа восстановится. Но какими жертвами – этого никто не знает»⁶⁸. Уже 3 июня в очередном выступлении он говорит о неготовности народа к демократии: «Толпа, народ, не подготовленный политически, воспринимает эту мысль очень наивно и до конца: войну устроили капиталисты – значит, прежде всего, русские капиталисты»⁶⁹. Далее Шульгин показывал, что проблема в соперничестве держав и «соперничество в вооружении есть страшная беда для человечества, которая когда-нибудь приведет к невероятным потрясениям»⁷⁰. Поминая добрым словом бывшего императора, Шульгин вспоминает его идею Гаагской

⁶⁸ Стенографический отчет частного совещания членов Государственной думы (четвертого созыва). 20 мая 1917 года. Б.м., б.г., с. 18–19.

⁶⁹ Стенографический отчет частного совещания членов Государственной думы (четвертого созыва). 3 июня 1917 г. Б.м., б.г., с. 21.

⁷⁰ Там же.

конференции, подчеркивая, что «это предложение прошло довольно равнодушно во всех классах»⁷¹. А значит, нужно винить не русских капиталистов, германский милитаризм⁷². Заключение речи претендует уже на философское обобщение: «В значительной степени эта война есть война деревни, т.е. того, что производит реальные ценности, против молоха вооруженности, который хочет все эти реальные ценности переводить только в сталь и в железо, которые несут смерть»⁷³. Стенограмма фиксирует рукоплескания и голоса: браво!

Из вышеприведенных примеров можно увидеть, как постепенно происходила эволюция взглядов Шульгина от того момента, когда он принял участие в выборах во II Думу, до лета 1917 года. Он менялся, его речи становились более глубокими по содержанию. Вместе с тем, позиционируя себя как монархист, Шульгин постепенно переходил на позиции национал-демократии. В результате его стали обвинять в измене правому лагерю, а сидящие на левых скамьях в Думе все чаще рукоплескали его речам. Шульгина порой начинали охватывать мрачные предчувствия: «Бывали минуты, когда я начинал сомневаться. В другом отношении, где мы условились быть не „раздувальщиками огня“, а как раз наоборот – „гасителями пожара“, исполняли ли мы свое намерение? Тушили ли мы революцию?»⁷⁴. Характерна в этом отношении дневниковая запись великого князя Николая Михайловича от 4 января 1917 года: «Шульгин – вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко... Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней [Александре Федоровне – А.Р.], к нему [Николаю II – А.Р.], и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!... Оба мне выказывают столько сердца, симпатии, что я тронут и смущен»⁷⁵.

Итогом стало участие Шульгина в принятии двух отречений. Писатель и философ В. Н. Иванов отмечал, что «в февральские дни выступления своего в Пскове и на ст. Дно, В. В. Шульгин... был обманут... уговаривая государя оставить престол», да и «вся русская буржуазия, – не сама ли себе она надела петлю на шею своими собственными руками, не сама ли подожгла свою собственную избу, подобно фанатичным раскольникам, когда она оказалась обюана внушенной мечтой о „благе народном“? Она

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 22.

⁷³ Там же.

⁷⁴ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...*, с. 370.

⁷⁵ Великий князь Николай Михайлович, *Записки [в:] Гибель монархии. Сборник*. Москва 2000, с. 71–72.

мечтала вытопить только печку. Но она сожгла целый дом!»⁷⁶. Нанося в Думе удары по правительству, Шульгин вместе с либералами расшатывал трон. Закономерен и его переход от монархизма к цезаризму, когда он, всегда тяготевший к «сильной руке», начинает писать о необходимости для России *вождя*, подобного Столыпину.

Большевиков Шульгин категорический не принимал, а про их лидера отзывался так: «Ленин – это фирма, а вокруг него ютится целая свора людей, которые проповедуют все, что им в голову взбредет»⁷⁷. На частном совещании членов IV Государственной думы 4 (17) мая 1917 года Шульгин заявил в адрес социалистов: «Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем»⁷⁸. В. И. Ленин в статье «На зубок новорожденному... „новому” правительству»⁷⁹, написанной на основе опубликованных материалов частного совещания, процитировав слова Шульгина, ответил: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда *мы* будем у власти, мы вас не „разденем”, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подильной и привычной! Запугивание годится против Черновых и Церетели, нас „не запугаете”»⁸⁰. Ленин дважды вспоминает Шульгина. В лекции «Война и революция» (14 (27) мая 1917 г.) он продолжает полемику: «Это клевета, будто бы большевики самые левые. Министр Скобелев гораздо „левее”. Меня самыми гнусными ругательствами ругали – я предлагал будто бы чуть не раздевать капиталистов. По крайней мере, Шульгин говорил: „Пусть нас разденут!” Вообразите большевика, который подходит к гражданину Шульгину и собирается его раздевать. Он мог бы с большим успехом обвинять министра Скобелева в этом. Мы никогда так далеко не шли»⁸¹. В статье «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания» («Правда», май 1917 г.), Ленин саркастически отмечает, что пролетариат вовсе не намерен «раздевать» отдельных капиталистов, «как пугал себя и своих Шульгин». Судя по троекратному комментарию, фраза Шульгина не только запомнилась Ленину, но и породила ответную реакцию. Через несколько лет, 24 сентября 1922 года в приложении к «Правде», посвященном Ленину на вопрос «Что интересуется Ленина?» отмечалось: «...работа советских

⁷⁶ В. Н. Иванов, *Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель*. Москва 1991, с. 111.

⁷⁷ М. Е. Голостенов, *Шульгин В.В.* [в:] *Политические деятели России. 1917. Биографический словарь*. Москва 1993, с. 364.

⁷⁸ Цит. по: Д. А. Жуков, *Жизнь и книги В.В. Шульгина* [в:] Шульгин В.В. *Дни. 1920. Записки*, Москва 1989, с. 5.

⁷⁹ „Правда”, 1917, 19 (6) мая.

⁸⁰ В. И. Ленин, *Полное Собрание Сочинений*, изд. 5, т. 32, с. 34–35.

⁸¹ Там же, с. 94–95.

трестов и положение Гувера на приближающихся американских выборах, книга В. Шульгина и оборот внешней торговли...»⁸². Известно, что Ленин действительно интересовался работами Шульгина, чьи книги «Нечто фантастическое» и «1920 год» были в личной библиотеке Владимира Ильича. Уже в наши дни автор этой статьи видел их на книжных полках кабинета Ленина в государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские».

После активного участия в создании Белой армии и борьбы с большевизмом в Гражданскую войну, Шульгин покинул Россию. Находясь в эмиграции, он был все так же активен. В ночь на 23 декабря 1925 г. он нелегально перешел советско-польскую границу и прибыл в Минск, откуда переехал в Киев, а затем в Москву. Официальной целью его поездки являлись поиски сына, офицера армии Врангеля, который, якобы находился в психиатрической больнице в Витебске. Сына Шульгин не нашел, но посетил Киев, Москву и Ленинград, и в феврале 1926 выехал в Минск, перешел границу Польши и оттуда убыл в Югославию. Литературным итогом поездки стала книга „Три столицы”. Связанные с НЭПом перемены породили у Шульгина надежду на трансформацию советской власти. Шульгин признавал и масштаб ленинской личности: «Когда Ленин голосом Чингисхана, стегаящего нагайкой племени и расы, крикнул шестой части суши апокалипсическое слово НЭП и в развитие сего прибавил издевательское, гениальное: „Учитесь торговать”, – он *сжег все то, чему он поклонялся, // и поклонился тому, что сжигал...* Так поступают или великие преступники, или герои... Пусть Ленин герой! Так повернуть руль корабля мог только человек, который властвует над стихией»⁸³. Отмечу, что рукопись этой книги утвердили руководители советских спецслужб, для которых ее издание было крайне важно в рамках операции «Трест». В России до сих пор не издано полного текста этой книги, т. к. вышедшее в 1991 г. переиздание было сделано с купюрами: «Издательство Современник, печатая „Три столицы”, считает необходимым опустить некоторые наиболее грубые и оскорбительные выражения в адрес Владимира Ильича [Ленина]»⁸⁴.

Активно публикуя свои статьи в эмигрантских изданиях, Шульгин предлагал соотечественникам, оказавшимся вне родины вождистскую идею, проводя мысль о П. А. Столыпине, как предтече Муссолини: «Основателем русского фашизма я считаю Столыпина... Правда, покойный премьер... сам не подозревал, что он фашист. Но, тем не менее, он был

⁸² Л. Фишер, *Жизнь Ленина*, London, 1970, с. 875.

⁸³ В. В. Шульгин, *Три столицы*, с. 364–365.

⁸⁴ *От издательства*, Там же, с. 4.

предтечей Муссолини. Фашизм, как и коммунизм, имеет свои тактические приемы и свои идеологические задачи. В отношении тактики коммунизм и фашизм два родных брата... Столыпин сделал „ставку на сильных”. То есть он хотел опереться на энергичное, передовое, инициативное меньшинство. Это же сделал Ленин, опершись на партию коммунистов. Так же поступил Муссолини, создав свои связки, звенья, по образцу коммунистических ячеек. Это же дело продолжает барон Врангель, создавая из остатков белых армий ячейки, из которых в будущем вырастит русский фашизм. Не забудьте, что и муссолиниевские »связки« первоначально тоже были созданы во время войны и для войны... коммунизм и фашизм, или, что то же, столыпинизм, муссолинизм и ленинизм (к этой плеяде блестящих имен примыкает и скромный шульгинизм), тактически близки друг к другу, являясь системами минористическими. Это, между прочим, весьма ярко подтвердил Ленин, сказав: „Если Россией управляло сто тридцать тысяч помещиков, то почему ею не могут управлять двести тысяч большевиков?” Теперь помещиков нет, но их с успехом заменит один миллион фашистов, когда большевиков не станет... тактически коммунизм и фашизм имеют много общего, и в этом смысле нам нечего упрекать друг друга. Мы могли бы упрекать друг друга только в одном: в излишней, ненужной жестокости»⁸⁵. Современный исследователь пишет по поводу подобных аналогий: «Сравнивая Столыпина с Муссолини, Шульгин имел в виду общую для этих политиков ориентацию на построение сильного государства, общий „диктаторский” стиль управления, решительное противоборство деятельности оппозиционных правящему режиму течений. Столыпин воплощал собою образ харизматичного вождя, выразителя „чаяний” нации – центрального понятия любого движения фашистского толка. Такая характеристика имеет, безусловно, эмоциональный, нежели реальный смысл. Столыпин, как известно, не ставил перед собой цели создания своей политической партии. Не занимался он и разработкой какой-либо целостной идеологии. Поэтому, ни в организационном, ни в идейном плане... не был „предтечей” Муссолини»⁸⁶.

Шульгин полагал, что при отсутствии у монарха силы воли, рядом с ним должен быть вождь: «На помощь шатающемуся трону пришел Диктатор. Столыпин был предшественник Муссолини. И тот, и другой подняли над собой лозунг – Мирная эволюция...»⁸⁷. При этом, «для русских наивыгоднейшая форма общежития есть *Вожачество*... Это ничуть не

⁸⁵ В. В. Шульгин, *Три столицы*, с. 345–347.

⁸⁶ Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.*, с. 137.

⁸⁷ В. В. Шульгин, *Размышления. Две старые тетради...*, с. 317.

задевает вопроса о народном представительстве, парламентаризме и прочих „формах”. Все сие есть именно форма, а не существо правления. Парламент прекрасно существует при Муссолини, как Государственная Дума очень производительно работала при Столыпине»⁸⁸. Здесь, правда, Шульгин лукавит, поскольку роль Столыпина в роспуске Думы и „третьиюньском перевороте” была ему хорошо известна. Не случайно, он писал про периоды кризиса монархии: «В эти эпохи ровное сияние трона будет меркнуть при блеске ярких протуберанцев фашизма (вроде Столыпина, Муссолини), а народное представительство будет более чадить, чем светить»⁸⁹.

У Столыпина «была двуединая система: в одной руке – пулемет, в другой – плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов: но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов. Эта психология должна была проникать и в его отношение к еврейскому вопросу. Он не мог не считать „ограничения” евреев временными и развращающими русское население. Последнее привыкало жить в оранжерейной атмосфере, в то время, как евреи воспитывались в суровой школе жизни. Кроме того, эти ограничения отнюдь не защищали русское население в самой важной области – там, где формируются текущие идеи, дух времени... Как я уже говорил, здесь еврейство захватывало командные высоты. Поэтому перед Столыпиным и в еврейском вопросе стояла задача: органическими мерами укрепить русское национальное тело настолько, чтобы можно было постепенно приступить к снятию ограничений. Если таковы были действительно намерения Столыпина, то вместе с тем он не мог, конечно, не понимать, какой вой поднимут его враги справа, если он „вступит на путь” (а врагов у него было достаточно не столько в „хижинах”, сколько – во „дворцах”»⁹⁰.

Если бы Столыпин дожил до Первой мировой, полагал Шульгин, то «во главе русского правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд-Джорджа. И, разумеется, первое, что сделал бы этот большой человек, – он осуществил бы идею „внутреннего парламентского мира”» с оппозицией⁹¹. Ругая аристократию за потерю «инстинкта» власти, критикуя ее вырождение, Шульгин противопоставлял ей премьера: «Когда графья и князья становятся писателями и поэтами, они

⁸⁸ В. В. Шульгин, „Что нам в них не нравится...”, с. 102–103.

⁸⁹ Цит. по: Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг...* с. 167–168.

⁹⁰ В. В. Шульгин, „Что нам в них не нравится...”, с. 49.

⁹¹ Там же, с. 52.

теряют прирожденную властность, то есть становятся к власти неспособными. Им надо уходить с командных постов добровольно и заблаговременно. Если они этого не сделают, их столкнут выходцы из низов. Они будут править, пока тоже не вырождаются. Столыпин не выродился [...] Этот аристократ не писал ни стихов, ни романов, он занимался своим прямым делом, он властвовал. Но его убили»⁹².

Свои идеи о столыпинской России Шульгин озвучивал и в лекциях. С 1933 г. он активно сотрудничал с Национально-трудовым союзом нового поколения (НТСНП) – праворадикальной организацией русской эмиграции. Из молодых по возрасту членов НТСНП он создал своеобразный семинар, на котором и проводил лекционные занятия. Новая Россия представлялась Василию Витальевичу великой «в столыпинском смысле»⁹³, и он неоднократно утверждал о безальтернативности «превращения русских крестьян в собственников по примеру Запада»⁹⁴. Единичную собственность на землю Шульгин рассматривал как гарантию от «опасных неурожаев», т. к. в условиях частной собственности могут быть обеспечены значительные хлебные запасы. Он считал, что проведение и реализация реформы собственности в столыпинском духе это длительный, но необходимый процесс⁹⁵. Шульгин полагал: «Собственность – вот тот Сезам, который отпирает все запоры»⁹⁶. По его мнению, аграрная реформа Столыпина могла бы способствовать перестройке земледелия России на европейский лад: «Реформа Столыпина вдохновлялась изречением английского экономиста: Дайте собственнику бесплодную скалу, и он превратит ее в цветущий сад!. Пример Западной Европы подтверждал эту мысль... Бесхозной земле надо дать хозяина!... Реформа Столыпина, энергично проводимая, прошла успешно... Война 1914 года похоронила реформу Столыпина. В 1917 году произошла революция, и вместо реформы Столыпина Россия получила реформу Ленина»⁹⁷. Огорчал Шульгина тот факт, что Столыпин не смог создать массовое движение, партию, на которую можно было бы опираться: «Петр Аркадьевич Столыпин... всецело занялся упорядочением аппарата правительственного и посему, конечно, не успел создать контр-форса... справа, который развил бы в борьбе ту же свирепую лютость каковую обнаружили революционеры слева. Этот зияющий пробел пришлось впоследствии [восполнить]...

⁹² В. В. Шульгин, *Последний очевидец...* с. 93.

⁹³ Он же, „Что нам в них не нравится...“, с. 517.

⁹⁴ Д. Святополк-Мирский, *Чем объяснить наше прошлое. Чего ждать от нашего будущего?* Париж, 1926, с. 43.

⁹⁵ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...*, с. 555.

⁹⁶ Он же, *Нечто фантастическое*. София 1922, с. 89.

⁹⁷ Он же, *Опыт Ленина*. Публикация, вступительная статья М. А. Айвазяна „Наш современник“, 1997, № 11, с. 163.

генералам Алексееву, Корнилову, Деникину, Врангелю и другим, но уже при условиях слишком обременительных»⁹⁸. Шульгин писал: «Все большие реформаторы, реальные реформаторы, не люди с поврежденными мозгами типа Ленина, а люди действительной жизни и действительного творчества, типа Столыпина, были „либерал-консерваторами”»⁹⁹. Рассматривая Врангеля, как продолжателя столыпинских идей, он призывал эмиграцию поддержать столыпинско-врангелевский путь развития, который, по его мнению, заключался в том, чтобы «самоотверженно спасая все, что можно спасти, не причитать *бессильно* над бесповоротно ушедшим; мертвым – вечная память; оправдание их гибели – новая жизнь, которая стремится к небу над свежими могилами; этим утверждается вечность России»¹⁰⁰.

Период жизни Шульгина с 1939 по 1944 год самый загадочный. Позднее, во время допроса на Лубянке 1 ноября 1946 г. он покажет, что возлагал надежды на Германию в борьбе против Советского Союза и в своей повести «Пояс Ориона» утверждал, что если гитлеровская Германия искренна в своих намерениях ликвидировать коммунизм, то она должна свое стремление на восток, выраженное в пресловутой формуле «дранг нах остен», направить на пользу русской эмиграции; свергнув советскую власть, сохранить Россию как самостоятельное капиталистическое государство, включив в него и Украину. Помимо попытки передать рукопись влиятельным немецким политикам, Шульгин также направил ее в Париж А. И. Гучкову, но ответа не получил. В 1935 г. он ознакомил с рукописью «Пояс Ориона» известного философа и публициста И. А. Ильина, который, по словам Шульгина, заявил, что тот предлагает немцам слишком мало и поэтому они на переговоры они не пойдут. По показаниям Шульгина, в 1936 г. он сотрудничал в газете, издававшейся в Софии И. Л. Соловьевичем, и высказывал в своих статьях мысль, что Гитлер будет воевать только с большевиками, но не тронет Россию как государство.

Известно, что в 1938 году он одобрил аншлюс Австрии, выпустив в Белграде брошюру «Аншлусс [Так в тексте – А. Р.] и мы». В письме к В. А. Маклакову от 12 января 1939 года, опубликованном недавно О. В. Будницким, Шульгин, прибегая к аллегориям, одобряет политику изгнания евреев из нацистской Германии. Письмо заканчивалось словами: «Желаю Вам хорошего 1939 года»¹⁰¹. Впереди была Вторая мировая война...

⁹⁸ Цит. по: Д. И. Бабков, *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.*, с. 138.

⁹⁹ Там же, с. 83.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.*, с. 424.

Впоследствии, на допросе Шульгин показал, что в 1940 г. написал книгу под названием «Пять», в которой утверждал, что Советский Союз совместно с Германией уничтожил в 1939 г. польское государство. Эту книгу, по словам Шульгина, читали П. Б. Струве и Е. А. Жуков, но издана она не была, в настоящее время ее местонахождение неизвестно и, скорее всего, рукопись утеряна.

После того как началась война Германии против СССР, многие из тех, кто сражался с Шульгиным по одну сторону баррикад в период Гражданской войны, ждали реванша. Были и те, кто шел в Соппротивление. Шульгин занял позицию стороннего наблюдателя. Вместе с тем нельзя и однозначно утверждать, что в 1941–1944 гг. Шульгин никоим образом не содействовал гитлеровскому режиму, поскольку могло иметь место использование немцами известного в прошлом политика (к тому же еще и автора книги о «еврейском вопросе») или даже просто его имени в пропагандистских целях. Шульгин утверждал, что «ни с одним немцем за всю войну мне не удалось сказать ни одного слова»¹⁰². Подтвердить или опровергнуть это невозможно.

В октябре 1944 г. Сремски-Карловцы, где жил 66-летний Шульгин, были освобождены Красной армией. 24 декабря того же года Шульгин был задержан оперуполномоченным 3-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта лейтенантом Ведерниковым по указанию начальника 3-го отделения А. И. Чубарова и доставлен в город Нови-Сад, где, как вспоминал Василий Витальевич, «ЧК заняла одну из многих бывших фашистских резиденций... Туда меня и доставили. Начальник... носил он черную куртку с глянцем. Еврей, как потом оказалось, из Киева. Фамилия? Что-то вроде Косолапый, точно не помню»¹⁰³. Советского капитана звали Павел Семенович Кацалай, а подробности этого допроса, как следует из протокола от 2 января 1945 года, Шульгин впоследствии воспроизведет в своих воспоминаниях достаточно близко к тексту. Кацалай интересовался дореволюционным прошлым, событиями Гражданской войны и белогвардейской организацией «Азбука», которую возглавлял Шульгин. Если про свою деятельность в монархической России Василий Витальевич рассказывал спокойно, то, когда речь зашла об «Азбуке», он, по собственному признанию, стал осторожен.

После проведения первичного допроса Шульгин был вывезен в Венгрию. Его укутали, чтобы не замерз по дороге, усадили в коляску мотоцикла, и путешествие началось. Наконец, Шульгина привели к месту назначения

¹⁰² В. В. Шульгин, *Пятна*. Пред. и публ. Р.Г. Красюкова, „Лица. Биографический альманах“, Москва — С. Петербург 1996, т. 7, с. 343.

¹⁰³ Там же, с. 322.

и разместили в комнате, где соседкой оказалась молодая и красивая девушка. Состоялось первое знакомство Шульгина с подполковником Семеном Петровичем Кином, который в дальнейшем будет вести допросы Шульгина. Василий Витальевич вспоминал: «После обмена приветствиями и любезностями он сказал мне:

– Принимая во внимание ваш возраст, я нашел возможным поместить вас вместе с этой молодой женщиной. Вы можете говорить о чем угодно, кроме как о ваших делах. За что вы арестованы и за что она арестована – об этом говорить не следует. При вашей комнате есть сад, в котором можете с нею гулять. Можете даже выйти на улицу, но лучше этого не делать, так как вас кто-нибудь задержит. А теперь отдыхайте. Беседовать с вами будем завтра»¹⁰⁴. С Кином „допрос шел в иных формах и иными методами, чем с капитаном... – вспоминал впоследствии Шульгин, – Он просил меня рассказать о моей жизни до революции и в эмиграции... Он вел допрос тягуче медленно, требовал подробностей. Наконец как-то не выдержал и сказал:

– Я вызову стенографистку, пусть она запишет ваши показания.

Пришла какая-то девушка в военной форме. Я привык диктовать и стал говорить, как когда-то выступал в Государственной Думе. Но полковник меня остановил:

– Нет, так нельзя.

И стал диктовать за меня. Мысли мои искажались, и выходило все совершенно иначе, а кроме того так медленно, что было непонятно, зачем нужна стенографистка... В последнюю ночь полковник заспешил и попросил меня помочь просмотреть материалы допроса, так как машинистки сделали множество ошибок. Этим я занимался с девушками, а он собирал какие-то бумаги и очень спешил, так как необходимо было успеть к самолету. Наконец мы кончили, и он предложил мне идти к себе и поесть перед дорогой»¹⁰⁵.

Шульгин вспоминал, как его везли в Москву: «Нас разместили в самолете... Это был первый полет в моей жизни... Куда мы летели, мы не знали, а только догадывались... Наконец приземлились в Кировограде, бывшим Елисаветграде. Из-за плохой погоды мы здесь пробыли одиннадцать дней... Мы опять летели... Сделали посадку на совершенно голом поле... Снова полет. Сколько летели не помню... Объявили что садимся в Москве... Когда вывели из самолета, нас сразу же окружил конвой, который сопровождал до посадки в машину без окон... Автомобиль

¹⁰⁴ Там же, с. 330–331.

¹⁰⁵ Там же, с. 331–332.

остановился во дворе какого-то большого здания, которое, однако, мне ничего не говорило. Только потом я узнал, что это знаменитая Лубянка. Меня высадили одного и тут же повели в баню. Затем стригли всевозможные места, причем парикмахер воскликнул:

– Во, вшей завел!

Да, я ведь месяц как не раздевался... Затем фотографировали в профиль, в фас. Когда показали, не смог себя узнать. И, конечно, дактилоскопия. Когда все это закончилось, вручили арестантское платье и посадили в камеру...»¹⁰⁶. Только 31 января 1945 г. уже в Москве арест был оформлен процессуально.

В столице Шульгина допрашивал майор Алексей Акимович Герасимов. Василий Витальевич вспоминал: «Он долго меня допрашивал. Я говорил все, мне нечего было скрывать. Эти допросы совершались по ночам, приблизительно с одиннадцати вечера и до рассвета»¹⁰⁷. Наконец, Шульгин расстался с Герасимовым и новый следователь – майор Евгений Александрович Цветаев, как вспоминал Шульгин, «был весьма любезен и наговорил мне массу любезностей... Но все же, при всей любезности Цветаева, он вел допрос по-герасимовски. Всю жизнь от начала до конца надо было снова рассказывать. И я понял эту механику. Когда начинаются эти дубли, то человек, который говорит правду, будет рассказывать то же самое. Когда же он сочиняет, то может забыть, что выдумал. И при последующих допросах говорить не то, что на предыдущих. Тогда его уличали во лжи. Так как меня нельзя было поймать на лжи, то мне стали верить»¹⁰⁸. От Цветаева Шульгин перешел к подполковнику Арсению Васильевичу Путинцеву. Позже он жаловался, что тот «опять продолжал эту волюнку с моей биографией, был любезен, но менее интересовался литературой. Впрочем, однажды пришел еще один майор [и сказал], что он читает „приключения князя Воронежского“, тот том, где я рассказываю об Агасфере. Из этого я увидел, что мои произведения ходят по рукам...»¹⁰⁹.

В лубянских камерах Шульгин встречал разных людей. Был среди них и генерал Гельмут фон Паннвиц (повешен 16 января 1947), который «ничего не ел, все раздавал товарищам по камере. Другие немцы шептали мне:

- Ему грозит смертный приговор.
- За что?
- Он командовал вашими казаками.
- Где?

¹⁰⁶ Там же, с. 332–334.

¹⁰⁷ Там же, с. 340.

¹⁰⁸ Там же, с. 342–343.

¹⁰⁹ Там же, с. 344–345.

– В Югославии. И они там усердствовали...

Тем временем он все же не терял бодрости. Нас в камере было семь человек. Мы выстраивались в три пары с генералом впереди и молодецкато маршировали в ногу двадцать минут, которые нам полагались на прогулке... Однажды генерала вызвали, и он больше не пришел. Он был казнен»¹¹⁰.

После предъявления обвинения и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, Шульгин, по решению Особого совещания при МГБ СССР, был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. Решением Центральной комиссии по отбору заключенных, подлежащих переводу в особые лагеря и особые тюрьмы МВД от 10 июля 1948 г., в соответствии с приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 г. было принято решение о его переводе в Особую тюрьму МВД СССР (г. Владимир). Возникает вопрос о том, почему ему была сохранена жизнь. Ответ прост – после Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. была провозглашена отмена смертной казни. Этот Указ установил, что за преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, в мирное время применяется заключение в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет (именно столько и получил престарелый Шульгин, который вряд ли тогда мог предположить, что доживет до 1976 года, т.е. был почти «обречен» на смерть в заключении).

Срок Шульгин отбывал во Владимирской тюрьме (1947–1956), обжившись там, насколько это вообще можно в таком трагическом месте. Была у Шульгина в тюрьме и своеобразная «шляпа», которую он надевал, чтобы не мерзла голова. «Это был удивительный отказ от священных правил тюрьмы – разрешить заключенному сидеть в шапке. Но с тех пор, как мне это было разрешено, было навсегда твердо установлено: Шульгин может сидеть в шапке. Однако не за обедом. Это, конечно, было совершенно правильно. Но однажды я забыл снять шапку, когда принесли обед. Раскрылась кормушка, и старший поманил меня пальцем. Я подошел.

– Разве хорошо, Шульгин, обедать в шапке?

– Нет, не хорошо. Но я просто забыл снять.

Затем прибавил:

– Обедать в шапке неприлично. Почему? Прежде всего потому, что в комнате икона есть. А где у вас иконы?

Он ответил мне тихонько, чтобы никто не слышал:

– Икона должна быть в сердце у вас, Шульгин»¹¹¹. С этим головным убором связана интересная история. 4 декабря 1948 года в заявлении на

¹¹⁰ Там же, с. 350–351.

¹¹¹ Там же, с. 368.

имя начальника Владимирской тюрьмы Шульгин жаловался, что, войдя к нему ночью, тюремный надзиратель, снял с него «головной колпачок», несмотря на заявление Шульгина, что пользоваться таким ему разрешено лично начальником тюрьмы. Это разрешение было сделано в виду того, что Шульгин страдал невралгией на почве отлива крови от головы, и подтверждено после 3 июля 1948 года, когда этот колпачок, взятый вместе с другими вещами на складе, был возвращен Шульгину по его просьбе. На документе имеется резолюция: «Доложите мне про этот колпачок».

Во Владимирском центре Шульгин пересекся с разными людьми, среди которых был участник Первой мировой и Гражданской войн генерал М. В. Ханжин¹¹², философ Д. Л. Андреев. Также там отбывали срок князь Петр Дмитриевич Долгоруков и Николай Александрович Ухтомский, немецкие военнопленные генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер, генералы Эрик Ханзен, Ганс Пиккенброк, начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС Иоганн Раттенхубер; японские военнопленные. Среди разных сокамерников Шульгина оказался и некий двадцатилетний Колька, являвшийся «четырёхкратным убийцей»¹¹³. Шульгин вспоминал, что этот парень сразу прибрал к рукам всех в камере: «Со мною он подружился. Когда он пришел к нам в камеру, то наши два ящичка для хлеба оказались рядом. Я в это время уже не мог съесть целой пайки хлеба после болезни. Поэтому я ему сказал:

– Ты молодой, а я старик. Поэтому я твоей пайки брать не буду, а ты мою оставшуюся бери.

Он ответил:

– Батя-батя! Чтобы я, вор, взял у товарища пайку. Да разве это мыслимо? Разве это вор сделает? И вообще, в камере я красть не буду. Я, чтоб рука не отвыкала, иногда возьму что-нибудь, а потом обратно положу. Никто и не заметит. Вот если кто будет большие передачи получать, то я возьму открыто. Кто мне помешает. В этой камере были двое, которые мне досаждали. Дрянь были люди. Коля это заметил и сказал мне:

– Если они вам, батя, какое слово скажут или посмотрят косо, то им не жить»¹¹⁴.

В ночь на пятое марта 1953 года Шульгину приснился сон: «Пал великолепный конь, пал на задние ноги, опираясь передними о землю,

¹¹² Задержан органами советской военной контрразведки „Смерш“ в 1945 г. По решению Особого совещания при МГБ СССР приговорен по 58-й статье к 10-летнему тюремному заключению. В 1954 г. вышел из Владимирского центра по амнистии на свободу. Скончался в 1961 году в Джамбуле. Реабилитирован Прокуратурой РФ в 1992 г. См.: Е. В. Волков, Н. Д. Егоров, И. В. Купцов, *Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический словарь*. Москва 2003, с. 217–218.

¹¹³ В. В. Шульгин, *Пятна...*, с. 354.

¹¹⁴ Там же, с. 355.

которую он залил кровью»¹¹⁵. Он связал сон с годовщиной смерти Александра II, и только потом узнал о смерти И. В. Сталина. Его освободят досрочно по указу от 14 сентября 1956 года. Вместе с сопровождающим он выйдет из тюремных стен, осматриваясь по сторонам. Заметит, множество кошек, которые «лазили повсюду и у всех что-нибудь выпрашивали. Это были бездомные кошки, жившие подаяниями. И подавали... я сделал вывод, что советские люди относятся к животным более по-человечески, чем к иным людям»¹¹⁶. На автобусе Шульгин прибудет в небольшой городок Гороховец, расположенный неподалеку от Владимира. По предварительной договоренности Шульгину и его жене, приезд которой из-за границы он ожидал в перспективе, должны были дать отдельную комнату, но директор дома инвалидов уехал «собирать картошку», а медицинский персонал заявил, что такого положения, чтобы супругам отводили отдельную комнату, не было и не может быть. Супруги живут раздельно, каждый в своем общежитии. Тогда Шульгин попросил сопровождавшего его из Владимира сотрудника, возвращавшегося назад, доложить начальнику тюрьмы, что он вынужден прибегнуть к голодовке и не будет есть, пока вопрос с комнатой не решится. После этого персонал засуетился, вскоре пришел директор, которому позвонили из Владимира, и сообщил, что там действительно подтвердили, что Шульгину обещана отдельная комната, когда приедет его супруга. Шульгин вспоминал, что директор сказал: «Если она приедет, у вас будет отдельная комната»¹¹⁷. После этого Василий Витальевич пошел в столовую, не без грустной иронии садясь обедать на новом месте пребывания: «Двенадцать лет я не обедал по-человечески. Совали миски в „кормушки“, туда что-то ссыпали, и обедали мы за ничем не покрытыми деревянными столами. Здесь же в окнах стояли всякие цветы, фикусы, пальмы. Обедали не за одним громадным унылым столом, а за отдельными столиками. Эти отдельные столики были покрыты скатертями... Подавались блюда не в алюминиевых мисках, а в тарелках. И даже, о ужас, около тарелок лежали вилки и ножи. Да как они не боятся, что мы друг друга не переколем и не перережем. Ничего подобного... Словом, рай»¹¹⁸.

28 сентября 1956 года Шульгин записывает в дневнике, что дал телеграмму жене в Будапешт, «а деньги на телеграмму? Дал директор. И(инвалидного) Д(дома)... Телеграмма стоила 6 руб. 92 коп. Вместе с остатком от фотокарточки у меня сейчас 3 руб. 92 коп. Пожалуй, можно

¹¹⁵ Там же, с. 360.

¹¹⁶ Там же, с. 406–407.

¹¹⁷ Там же, с. 408.

¹¹⁸ Там же, с. 409.

бы купить кольцо глухонемой медное, но я лучше оставлю на яблоки Марийке, если она приедет без гроша, чего надо ждать»¹¹⁹. 6 декабря того же года Мария Дмитриевна, которую муж не видел 12 лет, приехала из-за границы. Прибежали женщины с криками: «Ваша жена приехала!» Шел снег и вышедший на улицу Шульгин разглядел через белую пелену стоявшую у машины женщину. Увидев его, она упала на колени в снег. Сначала супругов поселили в отдельной комнате дома инвалидов, а потом помогли переселиться во Владимирский дом инвалидов, где условия были лучше, чем в Гороховце. Осенью 1960 года Шульгину с супругой была предоставлена отдельная квартира во Владимире в доме № 1 по улице Кооперативной (с 1967 г. и до настоящего времени улица Фейгина). Дом и квартира сохранились до наших дней, а 13 января 2008 года, в день юбилея Шульгина, на доме появилась памятная доска, работы скульптора Игоря Черноглазова, с надписью: «В этом доме с 1960 по 1976 гг. жил выдающийся общественный и политический деятель Василий Витальевич Шульгин». После переезда во Владимир были организованы поездки Шульгина по разным городам с демонстрацией ему достижений советской власти. Итогом стали «Письма к русским эмигрантам», опубликованные отдельной книгой в 1961 году. В них Шульгин признал: «Мы объявили Ленину войну»¹²⁰. Касаясь «Трех столиц», писал, что «эта книга была полна резких и даже просто грубых выпадов против Ленина. Об этом я сейчас сожалею»¹²¹. Книга, будучи «подцензурной», несла на себе печать официоза, но через казенные фразы пробивается саркастический голос мудрого старца. Автор вспоминает, что когда он, после освобождения из тюрьмы, будучи в Москве, слушал в Кремле хор исполнявший с подъемом: «Россия, Россия, Россия – родина моя!», то сожалел, что большая часть интеллигенции его времени (т.е. до революции) «слушала бы это с насмешливой улыбкой»¹²².

В 1997 году появилась возможность ознакомиться с работой Шульгина „Опыт Ленина”, опубликованной с сокращениями¹²³. Ее публикатор М. А. Айвазян¹²⁴ пишет во вступительной статье: «Опыт Ленина» написан В. В. Шульгиным осенью 1958 года... единственный экземпляр рукописи «Опыта Ленина» заканчивается следующим абзацем: «Кроме автора ни единый человек этой

¹¹⁹ Цит. по: Н. Андреев, *По ухабам истории* [в:] *Владимирские дни и годы В.В. Шульгина...*, с. 21.

¹²⁰ В. В. Шульгин, *Письма к русским эмигрантам*. Москва 1961, с. 9.

¹²¹ Там же, с. 10.

¹²² Там же, с. 19.

¹²³ В. В. Шульгин, *Опыт Ленина*. „Наш современник”, 1997, № 11, с. 138–175.

¹²⁴ М. А. Айвазян, *«Огненная страсть к родине»*, Там же, с. 138–139.

рукописи по сей день не читал. В том числе и моя жена Мар. Дим., которая не знает даже заглавия. Персонал Дома инвалидов думает, что я писал некий исторический труд, что не так далеко до истины. В. Шульгин 24.11.58 г.»¹²⁵. Айвазян сообщает об отношении Шульгина к этой работе: «Книге „Опыт Ленина” им придавалось особое значение. Именно поэтому, опасаясь за ее судьбу, незадолго до смерти он сдал рукопись книги вместе с другими своими материалами в архив КГБ, будучи твердо уверенным в гарантии сохранности для России своего труда в этом необычном месте»¹²⁶. В журнальной публикации «Опыта Ленина» были «опущены, в основном, страницы, имеющие чисто личный характер, размышления, так или иначе повторяющие то, что высказано в других книгах Шульгина, и, наконец, суждения, характеризующие ту ситуацию в мире, которая имела место во время создания книги, то есть в 1958 году»¹²⁷. Публикация, прошла незамеченной, не говоря уже о том, что было бы полезно издать работу полностью с научными комментариями.

Можно констатировать, что отношение Шульгина к «Опыту Ленина» менялось с годами. Он пытался понять, что же произошло с Россией в XX веке. В октябре 1957 Шульгин запишет: «Под утро приснился мне Ленин. Он был молодой, рыжий и весёлый. И поздоровались мы дружественно. Но где мы встретились? Это интересно: мы встретились на том свете. Так как он умер [в] 1924 году, т.е. 33 года тому назад, то он давно там и то, что я его нашел в загробном мире, вполне естественно. Загадка в том, как душа, ещё находящаяся в этом мире, в данном случае моя душа, проникает на тот свет. Впрочем, не в первый раз вижу Ленина во сне. Но в первый раз я имел определенное ощущение, что я нахожусь там, по ту сторону земного бытия. Не только [Ленин – А.Р.] я знал, что мы находимся с Лениным в трансцендентальном мире, но знал и то, что сейчас над ним будут вершить Страшный Суд. Впрочем, в этом Суде я не ощущал ничего страшного, наоборот, я знал, что это будет суд правильный и справедливый. И я сказал Ленину:

– Хотите я буду вашим защитником?

И он ответил согласием.

Я думаю, он понял. Я из тех, кто много от Ленина пострадал. Поэтому моё слово в его пользу будет весить больше, чем тома его последователей, сделавших на Ленинизме карьеру. К сожалению, я проснулся, не успев сказать свою защитительную речь. Но, может быть, когда-нибудь я ее напишу наяву.

¹²⁵ Там же, 138–139. После этих слов в тексте рукописи следует приписка Марии Дмитриевны: «М.Д. Заглавие узнала и больше ничего» (с. 172).

¹²⁶ Там же, с. 139.

¹²⁷ Там же, с. 172.

Не удивительно, что Ленин мне приснился в эту ночь на 7 октября. 7-го, я писал заявление, т.е. просьбу обращенную к С[оветской] В[ласти] принять меня в число Сов[етских] граждан. 8-го утром я это заявление подал, куда следует. Бог один знает, что я переживал все эти дни, обдумывая этот шаг»¹²⁸. Гражданином СССР Шульгин так и не стал, зато его пригласили в качестве гостя на XXII съезд КПСС. Он также снялся в художественно-публицистическом фильме «Перед судом истории», сыграв самого себя. Съемки шли трудно, поскольку для Шульгина было важно сказать перед камерой именно то, что он думал, а это входило в противоречие с замыслом авторов фильма. «Еще много пройдет времени, пока они, т.е. думающие так, как Эрмлер и Владимиров, поймут, что новая страница России рождена прежней и что сын, наследовавший великое достояние своего родителя, должен быть достойным наследником. Пока этих чувств нет, смычка невозможна [...] Я никому ничего не навязываю. Но когда ко мне приходят и требуют от меня, чтобы я самую основу своего мировоззрения принес в жертву суете сует, которой занимаются фильмы, глумящиеся над прошлым и не чувствующие будущего, то я говорю – нет! Себе дороже стоит» – писал Шульгин И.А. Корнееву¹²⁹. По словам бывшего генерала КГБ Ф. Д. Бобкова, события развивались следующим образом: «Ранней весной 1961 года я возвращался из Ленинграда, куда выезжал в связи со съемками документального фильма „Перед судом истории“... Режиссерами фильма «Перед судом истории» были Фридрих Эрмлер и Владимир Вайншток. Материал, который мне показали на «Ленфильме», был очень интересен. Шульгин прекрасно выглядел на экране и, что важно, все время оставался самим собой. Он не подыгрывал своему собеседнику. Это был смирившийся с обстоятельствами, но не сломленный и не отказавшийся полностью от своих убеждений человек. Почтенный возраст Шульгина не сказался ни на работе мысли, ни на темпераменте, не убавил и его сарказма. К сожалению, его оппонент, ведущий, выглядел рядом с ним очень бледно. Я встретился с Шульгиным в Москве, в квартире Вайнштока на улице Черняховского... Помню, как Василий Витальевич с юмором вспоминал съемки, похвалялся своим „актерским мастерством”.

– Неужели меня Дума этому научила? – задал он вопрос как бы самому себе и рассмеялся.

Потом зло и едко высмеял артиста, исполняющего в фильме роль историка-собеседника: бедняга зря усердствовал, убежденного коммуниста из меня все равно не получится.

¹²⁸ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 389, л. 27–28.

¹²⁹ Цит. по: В. Гуринович, *Личное дело заключенного Шульгина [в:] Владимирские дни и годы В.В. Шульгина...*, . с. 77.

– Я дал согласие на съемку, чтобы восстановить истину, а вовсе не для пропаганды, – заключил Шульгин»¹³⁰.

Пока у историков нет возможности, собрать воедино записи Шульгина, рассеянные по государственным и частным архивам, и проанализировав их понять, как именно эволюционировали взгляды этого человека, начиная, от его выхода на свободу из Владимирского централа в 1956 году и до его кончины в 1976 году. Это работа для будущих исследователей. В работе «Опыт Ленина» Шульгин обозначил ряд проблем, которые имеют место, или могут возникнуть перед властями СССР. Одной из них был сепаратизм национальных окраин: «Положение Советской власти будет затруднительное, если, в минуту какого-нибудь ослабления центра, всякие народности, вошедшие в союз Российской империи, а затем унаследованные СССР, будут подхвачены смерчем запоздалого национализма. Все они тогда начнут вопиять, призывая небеса во свидетели, что они требуют только того, что поощряла Советская власть, когда дело не касалось ее самой.

– Колонизаторы, вон из Украины! Вон из Крыма! Вон из Грузии! Вон с Кавказа! Вон из Казахстана! Узбекистана! Татарии! Сибири! Вон, колонизаторы, из всех четырнадцати республик. Мы оставим вам только пятнадцатую республику, Российскую, и то в пределах Московии, набегами из которой вы захватили полсвета!»¹³¹. Он замечал в советском обществе такие негативные явления, как «хулиганство и пьянство; презрение к женщине; вороватость, озорство детей; четыре квадратных метра жилплощади и другие неувязки; необузданность желаний, которые обгоняют возможности их удовлетворения, какие-то представления, что в других странах лучше... При несомненном для меня добродушии русского народа откуда эта в нем злобность?»¹³². Мимо внимания Шульгина не прошло состояние, которое сегодня называют синдромом хронической усталости: «Люди живут под постоянными ударами по их нервам. Мы непременно хотим догнать и перегнать Америку, а потому спешим хуже чем на пожар... Нормальное состояние советского человека, поскольку я его наблюдал – это спешка. Он и она вечно куда-то спешат. Быть может, потому они так раздражительны? Если бы им дать немного отдохнуть! ... А последствия таковы. Спешка вызывает нервность. Нервность порождает раздражительность... люди, которые находятся в состоянии постоянного бешенства, явного, или что еще хуже – скрытого, счастливы быть не могут. Они глубоко несчастны. Несчастливы потому, что постоянно раздражены

¹³⁰ Ф. Д. Бобков, *КГБ и власть*, Москва 1995, с. 262, 265–265.

¹³¹ В. В. Шульгин, *Опыт Ленина...*, с. 145.

¹³² Там же, с. 160–161.

друг на друга»¹³³. Шульгин полагал, что гордость за уже достигнутые страной успехи может перерасти в *гордыню* зазнайства и привести к печальным итогам. Проживший долгую жизнь, Шульгин, словно подводя итоги, напишет: «Молиться надо не только за царские „грехи, за темные деянья”, но и за всех погибших в поисках правды для земли Русской. Молиться надо и за нас, сугубо грешных, бессильных, безвольных и безнадежных путаников. Не оправданием, а лишь смягчением нашей вины может быть то обстоятельство, что мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века»¹³⁴.

27 июля 1968 года от рака скончалась Мария Дмитриевна. Проводив супругу в последний путь, Шульгин, по воспоминаниям В. Колесникова «домой вернулся не сразу, а поселился рядом с кладбищем под Владимиром, в деревне Вяткино, и ровно 40 дней прожил там, у свежей могилы жены, а когда вернулся – занемог, и я уже думал, что он не переживет смерть Марии Дмитриевны, но жизнь брала свое, крепкий организм выдюжил»¹³⁵. В октябре 1973 Шульгин пишет: «На улицу я выходить не могу, брожу по комнате, а голова кружится, боюсь упасть. Иногда играю на скрипке, которая еще хуже, чем скрипач. Затем залезаю в кровать, иногда удается заснуть. Если не удастся, возвращаюсь обратно в кухню, где занимаюсь физкультурой. Так идут дни и ночи...»¹³⁶.

В январе 1976 года Василий Витальевич заболел гриппом, но затем поправился. В ночь на 15 февраля 1976 года Шульгин не спал «он сидел ночью и несколько раз просил нитроглицерин, у него болела грудная жаба, затем он лег в постель»¹³⁷. В 11-ом часу утра он скончался. Его отпели в церкви, неподалеку от Владимирского централа и схоронили на кладбище в Байгушах, рядом с Марией Дмитриевной, у большого дуба, который он часто обнимал, навещая могилу жены. Потом справили поминки, на которые пришло более 20 человек, в том числе и приехавших из столицы. Еще в 2005 году на могиле Шульгина стоял простой высокий крест, без таблички, а на могиле его супруги – стандартный металлический крест поменьше, прикреплен фотография, практически полностью выцветшая, и табличка с надписью: «Шульгина Мария Дмитриевна 3/VIII 1900 Киев – 27/VII – 68. Многострадальную душу ее Господи Успокой». Стараниями жертвователей, в т. ч. художника И.С. Глазунова, захоронения были

¹³³ Там же, с. 161.

¹³⁴ В. В. Шульгин, *Последний очевидец...*, с. 31.

¹³⁵ Б. Колесников, *Владимирский узник* [в:] *Владимирские дни и годы В.В. Шульгина...* с. 36.

¹³⁶ Цит. по: И. Гофф, *На белом фоне*, Там же, с. 69.

¹³⁷ Там же, с. 70.

облагорожены и теперь над ними возвышается черный крест, установленный на небольшом постаменте, на котором выбиты имена и даты жизни. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12 ноября 2001 года В.В. Шульгин был реабилитирован.

Long life of Vasily Shulgin

The article deals with V.V. Shulgin life and works (1878–1976). He led the monarchist party in the Duma and supported Stolypin's reforms. It was him who opposed Mendel Bayliss accusations. He witnessed the abdication of Nicolas II and created an ideology of the “white movement”. He emigrated in 1920. In 1944 he was imprisoned in Yugoslavia and sentenced to 25 years in prison. In 1956 he was set free. He also participated in the 22nd congress of the Communist Party of the Soviet Union. This article is based on different authors' memoirs and unpublished documents.